

Глава 1

Дежуривший на входе в комиссариат 13-го округа Парижа бригадир Гардон, отличавшийся почти маниакальной пунктуальностью, ровно в половине восьмого утра заступил на пост, и когда, по своему обыкновению, наклонился к вентилятору, чтобы подсушить мокрые от жары волосы, заметил комиссара Адамберга: тот медленно приближался к зданию и бережно, словно хрустальную вазу, нес на вытянутых руках неизвестный предмет, придерживая его ладонями. Гардон, чья фамилия как нельзя лучше подходила к его должности¹ и служила коллегам поводом для шуток до тех пор, пока им это не наскучило, не отличался живостью ума, зато усердно исполнял свои обязанности. Они заключались в том, чтобы на подступах к комиссариату замечать малейшие признаки подозрительного поведения и защищать контору. Благодаря многолетнему опыту, наметанному глазу и поразительно быстрой реакции в этом он не имел себе равных. В святая святых бригады уголовного розыска не мог попасть слу-

1 Фамилия Гардон (*Gardon*) созвучна французскому слову *garde* — стражник. (Здесь и далее — прим. перев.)

чайный человек с улицы, каждый посетитель подвергался самой тщательной проверке на благонадежность, прежде чем местный цербер — надо отметить, отнюдь не грозный на вид — соглашался поднять металлическую решетку перед дверью. Никто не сетовал на излишнее рвение Гардона, поскольку он не раз обнаруживал спрятанное оружие по едва заметным бугоркам на одежде, а за подчеркнуто мягкими манерами угадывал притворство и разом пресекал преступные намерения. Чаще всего это были попытки освободить сообщника из камеры предварительного заключения, а иногда — прикончить самого Адамберга, и таких случаев становилось все больше. За два с небольшим года на него было совершено два покушения. С течением времени, по мере раскрытия крайне запутанных дел, его репутация укреплялась, а жизнь все чаще подвергалась опасности.

Впрочем, Адамберга это нисколько не волновало, и он упорно ходил на службу пешком: его не покидала врожденная беспечность, нередко граничившая с безрассудством, вплоть до полного равнодушия к себе, и это свойство его натуры приводило в растерянность, а порой и в отчаяние ко всему привычных членов его команды, которым оставалось только гадать, каким образом их рассеянному шефу удастся добивается таких успехов. Зачастую он пользовался непонятными методами — если вообще слово “метод” уместно упоминать в связи с Адамбергом, — приходил к решению окольными путями, и не всем удавалось следовать за ним. По необъяснимым причинам он то и дело уходил расследование в сторону, нередко прямо противоположную той, которая вела к цели, но им все равно приходилось работать с ним, зачастую его не понимая. Когда сотрудники, и прежде всего майор Дан-

глар, упрекали его в том, что он напускает туману и заставляет их двигаться вслепую, он только беспомощно разводил руками, потому что нередко даже сам себе не мог объяснить свои поступки. Он плыл по течению — своему собственному течению.

Когда шеф был уже в нескольких метрах от входа в комиссариат, Гардон открыл свое окошко и увидел, что Адамберг, обернувшись, коротко поздоровался с двумя серьезными молодыми женщинами, шедшими за ним в отдалении, шагах в двадцати, и, казалось, направлявшимися на работу в офис: на самом деле они служили в элитном подразделении спецназа и охраняли комиссара. Адамберг улыбнулся. Он знал, что об этих новых мерах предосторожности, как и о патрульной машине, всю ночь дежурившей у его дома с маленьким садиком, позаботился майор Данглар.

— Гардон, я немного опоздаю, у меня образовалось одно дело, — сообщил он охраннику, проходя мимо двери. — Если кто-то будет меня спрашивать, так и скажите. Впрочем, это маловероятно: в такую погоду мало кого тянет на преступления, разве что какой-нибудь вор-любитель объявится. В общем, скука.

— Да, комиссар, во всем виновато потепление климата, для апреля это аномальная жара. Планете она вредит, зато у преступников мозги плавятся.

— Похоже на то.

— Что это вы несете? — поинтересовался Гардон, разглядывая красноватый округлый сверток в руках Адамберга.

— Это пострадавший, а значит, я обязан о нем позаботиться.

— Надеюсь, вам его не очень далеко нести? Должен указать вам на то, что на вас нет рубашки, комиссар.

— Я это заметил, бригадир. Идти мне минут двадцать, не больше. Не волнуйтесь за меня.

Все как обычно, подумал Гардон, захлопывая окошко. Люди будут над ним потешаться, но ему на это наплевать, заключил он снисходительно, как и всегда, когда речь шла о шефе. Сам бригадир, конечно, не посмел бы так ходить, но он был белокожим и полным, в отличие от комиссара, худого и жилистого, с крепкой мускулатурой, внушавшей опасливое почтение.

До календарного лета было еще далеко, но термометр показывал рекордную жару, не предвещавшую в будущем ничего хорошего. Сотрудники бригады уголовного розыска приходили на работу без пиджаков и курток, что было непривычно, но приятно, так что от этой жары был хоть какой-то прок.

По возвращении комиссар прошествовал с голым торсом через всю большую рабочую комнату, здороваясь с сотрудниками, растерянно приветствовавшими его, вошел к себе в кабинет и вытащил из шкафа одну из своих неизменных черных футболок: ему как будто в голову не приходило, что можно носить что-то еще. Он всегда одевался одинаково — в противоположность майору Данглару, отдававшему предпочтение элегантным английским костюмам, вероятно, для того, чтобы красивой одеждой отвлечь внимание от своего невыразительного лица.

Адамберг сидел за столом, склонившись над раскрытой газетой, и когда вошел его заместитель, даже не поднял головы: он сосредоточенно протирал руки, от пальцев до локтей, какой-то резко пахнущей жидкостью.

— Новый одеколон? — спросил майор.

— Нет, препарат для профилактики чесотки и лишая. Они наверняка у него есть, обычное дело. Я знал, а потому, прежде чем забрать, обернул его своей футболкой, но девушка в клинике сказала, что все равно надо обработать руки.

— И кто же этот “он”? — спросил Данглар, настолько привыкший к странностям начальника, что уже ничему не удивлялся.

— Ежик, кто же еще? Какой-то мерзавец на машине сбил его, я это видел, правда, был далеко. Думаете, он остановился? Куда там! Если бы на земле было поменьше подобных кретинов, мы бы до такого не докатились. Я добежал до места преступления...

— Преступления?

— Вот именно! Ежи — охраняемый вид, и вы прекрасно это знаете. Вам что, все равно?

— Конечно нет, — сказал майор, который всегда интересовался новостями о состоянии окружающей среды, впрочем, они только увеличивали его врожденную тревожность. — И что потом?

— А потом я поднял ежа, тот был еле жив, даже иголки не растопырил, чтобы от меня защититься.

— Или же понял, что вы ему друг, — с улыбкой предположил майор.

— Не исключено. Теперь, когда вы это сказали, Данглар, я уверен, что он и вправду это почувствовал. Его сердце билось, но бок был страшно разодран и кровил. Я его осторожно донес до ветеринарной клиники на проспекте. Очаровательное создание.

— Кто, ежик?

— Нет, девушка-ветеринар. Она его тщательно осмотрела и сказала, что сделает все, чтобы он выкарабкался. К счастью, это самец, а значит, его не ждут дома маленькие голодные ежата. Как только он набе-

рется сил, мне нужно будет забрать его и отнести туда, где он жил, к тому островку деревьев, которые пока еще стойко сопротивляются нашему нашествию. Если меня в этот момент не будет, Данглар, вы сможете взять это на себя?

— Не будет?

Адамберг похлопал ладонью по газетному листу.

— Вот, — произнес он.

— Я не заметил в прессе ничего особенного.

— И зря, — отрезал Адамберг, водя пальцем по тексту заметки. — Взгляните, — добавил он, подтолкнув газету к Данглару.

Пока майор в недоумении читал заметку, Адамберг позвонил лейтенанту Фруасси.

— Фруасси, вы не заняты? — просил комиссар.

— Я всегда занята, а почему вы спрашиваете?

— Не могли бы вы купить мне газету “Западная Франция”? Я думаю, в киоске она есть.

— Сейчас приду. По дороге куплю вам круассан: уверена, вы с утра так ничего и не ели.

На самом деле она принесет четыре круассана, подумал Адамберг, кладя трубку. Фруасси постоянно казалось, что кто-то “недоедает” — она сама или кто-нибудь из коллег, она с маниакальным упорством всех кормила и получала от этого удовольствие. Действительно, она пришла спустя пятнадцать минут с пузатым пакетом, приготовила кофе и подала на стол полноценный завтрак на двоих.

— Не понимаю, какое это имеет к нам отношение, — проговорил Данглар, складывая газету и аккуратно отщипывая кусочек круассана.

— Потому что это действительно не имеет к нам никакого отношения, майор. Ага, “Западная Франция” публикует кое-какие подробности. Спасибо, Фруасси.

Адамберг стал читать медленно, вполголоса, так что Данглару пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать.

— Вот видите, — подытожил комиссар и залпом выпил кофе.

— Если вы не съедите хотя бы один круассан, вы ее расстроите.

— Да, точно, сейчас съем. Фруасси и так по жизни расстроена, не хочу усугублять ситуацию.

— Я понял только, что в какой-то деревне в Бретани произошло убийство.

— В Лувьеке, Данглар, позавчера, восемнадцатого апреля. Это в девяти километрах от Комбура, я там ужинал в старом трактире. И видел жертву, Гаэля Левена. Он лесничий, крепкий, как бретонская скала, огромный, как шкаф.

— Вы с ним познакомились?

— Нет. Он сидел за другим столом, я слышал, как они разговаривали о призраке замка Комбур. Подозреваю, что вряд ли сообщу вам о нем что-то, чего вы не знаете.

— Граф Мало-Огюст де Коэткен по прозвищу Одноногий в 1709 году получил ранение в битве при Мальплаке, потерял ногу и носил деревянный протез, — не задумываясь, обронил Данглар, как будто речь шла о чем-то обыденном. — По воле судьбы эта деревянная нога по сей день бродит по замку в сопровождении черного кота.

— Я так и думал, — откликнулся на его слова Адамберг, подозревавший, что в голове у его заместителя в дополнение к основному мозгу припрятано еще три запасных.

Образованность Данглара была поистине безграничной: от литературы и искусства до истории, архи-

тектуры и далее, насколько хватало глаз; исключение составляли только математика и физика. Напрасно комиссар старался не удивляться безбрежным познаниям Данглара, как и его фантастической памяти, не раз выручавшей и его тоже, — майор раз за разом приводил его в изумление. Кто еще, кроме жителей Комбура, когда-нибудь слышал о Мало-Огюсте де Коэтке, имя которого комиссар сейчас вспомнил с трудом. Адамберг, выросший в глухой деревне в Пиренеях в многодетной семье, получил более чем скромное образование, и то обстоятельство, что на уроках он постоянно рисовал, вместо того чтобы слушать, никак не способствовало освоению наук. В шестнадцать лет он окончил школу, вынеся оттуда разрозненные обрывки знаний, и пошел учиться на полицейского. Его нисколько не смущало, что Данглара в тысячу раз образованнее его. Наоборот, он без смущения признавал свое невежество и восхищался майором.

— Вот об этом Одноногом, Данглара, они и говорили. Который по ночам бродит по лестницам замка Комбур, а порой добирается до Лувьеса и разгуливает там, как экскурсант. Так вот, представьте себе, он появился там несколько недель назад, после четырнадцатилетнего отсутствия, и люди теперь слышат по ночам стук его деревянной ноги по мостовой.

— Он еще что-нибудь сделал четырнадцать лет назад, кроме того, что до смерти перепугал местное население?

— Просто-напросто совершил преступление, Данглара. Типичное для чужака, гастролера, однако многие предполагали, что он пришел в Лувьек, чтобы убивать, и что именно он повинен в гибели одного человека. И на этот раз люди стали опасаться, что его возвращение предвещает новое убийство. Вот оно

и произошло, — воскликнул Адамберг, хлопнув рукой по газете. — В статье эта легенда упоминается ради шутки, но мне почему-то кажется, что жителям не до смеха. Стоять в сторонке и посмеиваться — дело нехитрое. И на сей раз преступление совершил не гастролер. Этот Гаэль Левен, крепкий деревенский парень, выходя из трактира, получил два удара ножом в грудь. Это было не ограбление, майор, его деньги остались при нем.

Данглар покачал головой, задумавшись на несколько секунд.

— Я склонен думать, что кто-то мог воспользоваться возвращением Одноногого, чтобы разрешить спор с этим Гаэлем. И я по-прежнему не понимаю, почему это так вас занимает.

— Я не знаю, Данглар, — ответил Адамберг, прибегнув к своей излюбленной формулировке.

— Тогда я вам скажу: потому что месяц назад вы были в Комбуре и Лувьеке, и этого достаточно, чтобы вам казалось, будто вас это касается, хотя на то нет причины.

В голосе Данглара, как обычно, звучало неодобрение.

— Никакой причины, Данглар, это точно.